

**ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ,
АРХЕОЛОГИЯ**

**HISTORY, ETHNOGRAPHY,
ARCHAEOLOGY**

УДК 94(571.122). 084.6; 908

Е.Н. Закирова

Спецпереселенцы в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) национальном округе в начале 30-х гг. XX в.

Аннотация. История Ханты-Мансийского автономного округа является неотъемлемой частью истории России, поэтому события региональной истории часто становятся предметом изучения широко круга исследователей. Одной из наиболее ярких и актуальных тем является изучение жизни и деятельности спецпереселенцев на территории округа. В данной работе рассматривается начальный этап принудительного переселения и обустройства спецпереселенцев в Остяко-Вогульском национальном округе.

Ключевые слова: спецпереселенцы, спецпоселения, принудительные переселения, СССР, депортация, репрессии.

E. N. Zakirova

Special settlers of Ostyako-Vogulsk (Khanty-Mansiysk) national district in 30-s of the XX century

Abstract. History of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug is an integral part of the Russian history. Events of regional history are often becomes the subject of study of a wide range of researchers. One of the most striking and topical issues is study of the life history and work of the special settlers in the district. In this paper, we consider the opening phase of forced relocation and resettlement of the special settlers in Ostyako-Vogulsk national district.

Keywords: special settlers, the special settlement, forced relocation, the Soviet Union, deportation, the repression.

Миграционные процессы, являясь одним из наиболее важных социальных явлений, играют немаловажную роль в истории любой страны, в том числе и России, так как качественный и количественный состав населения оказывают непосредственное влияние на экономическое, социальное и культурное развитие каждого региона в отдельности и государства в целом.

Меры по реабилитации репрессированных народов, проводимые Советским, а позднее и Российским государством начиная с конца 80-х гг. XX в. [1], пробудили интерес у исследователей разных направлений к проблематике принудительных миграций в СССР, которая требовала всестороннего изучения не только в теоретическом, но и практическом плане.

Политика принудительного переселе-

ния, с самого основания Советского Союза, была связана с общей политикой принудительного труда, который считался более эффективным, чем свободный. Так, для промышленного развития страны в 20-е гг. XX в. было необходимо значительное расширение сырьевой и энергетической базы, а разработка месторождений полезных ископаемых и освоение лесных массивов требовало большого количества рабочих рук. На начальном этапе эту проблему государство пыталось решить путем планового переселения и привлечения временной рабочей силы из различных регионов СССР. Однако, эти меры не принесли ожидаемых результатов, что во многом и предопределило принудительные формы и методы переселения и трудоустройства, к которым государство перешло в 30-е гг.

XX в., как по линии заключенных (исправительно-трудовая система ГУЛАГа), так и по линии депортированных (спецпереселенцы, административно-высланные и т. п.) [2, 20-23].

Принудительные перемещения можно классифицировать по нескольким признакам: репрессивные миграции (по социальному, этническому, конфессиональному признакам, военнопленные и осужденные) и «добровольно принудительные» (плановые переселения, переселения по призыву, эвакуированные, беженцы и добровольные репатрианты). Плановое переселение было направлено в регионы с относительно благоприятными природными и социальными условиями, такие как: Северный Кавказ, районы юга Дальнего Востока и т. п. Репрессированные по политическому признаку и осужденные (система ГУЛАГ) направлялись на освоение районов с экстремальными природными условиями, такие, как Колыма или на обеспечение физическим трудом секретных объектов [3, 49-50].

Что касается тех, кто был депортирован по социальному, этническому или конфессиональному признаку, то для них создавалась система спецпоселков и комендатур на Европейском Севере, Урале, Западной Сибири, Казахстане и Средней Азии, за исключением самых обжитых или приграничных районов [3, 47].

Одним из особых регионов в истории насильственных переселений, предназначенных для размещения спецпереселенцев, стал север Уральской области, в состав которого с 1930 г. входили Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский АО) и Ямало-Ненецкий национальные округа, оказавшиеся местом наибольшего сосредоточения различных категорий спецпереселенцев.

Принудительные переселения на территорию Уральской области проходили поэтапно. Первый этап (февраль 1930 г. – май 1931 г.). Основную массу ссыльных этого этапа составили жители сельскохозяйственных округов Уральской области: Шадринского, Тюменского, Курганского,

Ишимского и др., местом расселения для них были определены с. Березово, с. Сургут, Уватский, Березовский и Кондинский районы. Следуя к пунктам назначения, во второй половине февраля 1930 г., ссыльные прибывали в г. Тобольск, который являлся пунктом временного их размещения, где они вынуждены были оставаться до весенней навигации [4, 184-188]. Прибывающим в г. Тобольск ссыльным приходилось устраиваться самостоятельно, размещаясь на частных квартирах, в общественных зданиях, храмах, а некоторые были вынуждены располагаться прямо в лесу. Согласно докладной записке комендантского отдела Уралобласти Правительству «О расселении, положении и использовании кулацкой ссылки» от 8 марта 1931 г., на территории Тобольского округа были размещены около 35000 переселенцев, по другим данным их было от 35 до 46 тыс. человек. Так, встречаются данные 43758 человек – 8920 семей [5, 436-449], а в докладной записке в окрсельхозотдел от 4 декабря 1930 г. сообщалось, что на Тобольский Север завезено 46000 спецпереселенцев. [6, 186]. Нечеловеческие условия пребывания, неустроенность быта, холод и голод стали причиной высокой смертности среди переселенцев. И, в мае 1930 г., с началом навигации, на Север было отправлено по приблизительным данным всего 17 – 18 тыс. человек (по некоторым документам – 23315 человек) [6, 187]. На основании этого можно предположить, что почти половина спецпереселенцев погибли, не выдержав тяжелых условий, но не исключено, что часть из них сбежали или остались жить в Тобольске и близлежащих районах.

По сведениям, содержащимся в докладной записке председателю правления «Союзрыба» А.М. Лежаве, можно установить, что в Березовском районе Остяко-Вогульского округа, а также Питляре и Кушевате в 1931 г. проживало 2 432 семьи, т. е. около 10 тыс. человек.

По районам Остяко-Вогульского округа количество семей, попавших в результате первого этапа ссылки на Север, предполо-

жительно составило 4 663, общей численностью 23 315 человек [5].

Второй этап, начавшийся весной 1931 г., считается самым массовым, так как за весенние и летние месяцы в 33 района Уральской области было вывезено около 47 тыс. семей [6, 184-188]. Согласно «Комплексному плану развития основных отраслей хозяйства Остяко-Вогульского округа» от 1933 г., спецпереселенцы в 1932 г. составляли 33, 8 тыс. человек, это 6909 семей [6, 186].

**Этапы ссылки и количество ссыльных,
учтенных в Остяко-Вогульском округе в 1930–1933 гг.**

Этапы ссылки	Количество семей	Общее число ссыльных
I этап (весна 1930 – лето 1930 гг.)	4 663	23 315
II этап (весна 1931 – лето 1931 гг.)	6 909	33 800
III этап (весна 1932 – весна 1933 гг.)	6 459	32 000

Таким образом, можно сделать вывод о том, что больше всего было переселено в Остяко-Вогульский округ на первом, а не на втором этапе ссылки, а в последующие годы число ссыльных, увеличивалось незначительно, и в 1932 – 1933 гг. даже уменьшилось, в связи с высокой смертностью и побегами спецпереселенцев.

В целом, следует отметить, что определить точные данные числа ссыльных размещенных на территории Остяко-Вогульского округа, на сегодняшний день достаточно сложно, так как подробный учет ссыльных велся только по живым спецпереселенцам, а документов, содержащих сведения о смертности, побегах и т. п. не обнаружено. Также не найдено документов, содержащих половозрастной, национальный, религиозный и социальный состав ссыльных.

Остяко-Вогульский округ был самой крупной административно-территориальной единицей Урала, в состав которого входило 6 районов: Шурышкарский, Ларьякский, Березовский, Сургутский, Самаровский и Кондинский. Зимой 1930 г. в Остяко-Вогульском округе был сформирован спецлаг, где планировалось построить жилье для 1031 семьи спецпереселенцев,

Третий этап принудительных переселений характеризовался меньшим масштабом по сравнению с массовым выселением 1930 и 1932 гг. и расширением состава спецпереселенцев за счет различных групп городского населения, например, маргиналов и тунеядцев. В Остяко-Вогульском округе на апрель 1933 г. насчитывалось 6 459 семей спецпереселенцев, или 30 243 человека, из них 9 296 – женщины, 402 – дети в возрасте до 16 лет [6, 188].

а в Ямальском – для 472 семей. Всего в Обдорском, Шурышкарском и Сургутском районах округов предполагалось поселить 1 831 семей численностью не менее 9 тыс. человек [7, 54].

Спецпереселенцы и их потомки составляли значительную часть населения многих районов Остяко-Вогульского округа, который, как мы уже отмечали, в период 30-х гг. XX в. являлся местом наиболее активного их размещения. На сегодняшний день известно, что в начале 1932 г. в Уральской области, в специальных поселках, которых насчитывалось около 650, было размещено около полумиллиона спецпереселенцев [7, 187].

В отечественной историографии выделяется несколько этапов развития системы спецпоселений в период с 1930 по 1956 гг.

1 этап: 1930 – 1932 гг. – проведение раскулачивания и начальный этап формирования системы спецпоселений. На данном этапе проходило массовое строительство новых поселков, оформлялось их нормативно-правовое положение и основные принципы застройки;

2 этап: 1933 – 1936 гг. – завершение массового переселения «раскулаченных». В тот период происходило создание устой-

чивой сети спецпоселений, которые стали базой размещения ссыльных на последующие годы;

3 этап: 1936 – 1947 гг. – расширение системы спецпоселений в результате развертывания массовых репрессий против различных категорий населения, а также выселение с исторических мест обитания репрессированных народов. На данном этапе система спецпоселений развивалась во взаимодействии с пространственно-организационной структурой ГУЛАГа, как один из составных ее элементов;

4 этап: 1947 – 1956 гг. – постепенная ликвидация спецсылки и системы спецпоселений [8, 36].

1 апреля 1930 г. при Совнаркомом СССР была создана специальная секретная комиссия во главе с В.В. Шмидтом, занимавшаяся вопросами организации труда и жизни в спецпоселениях. В ее полномочия входила подготовка документов, нормативных актов, организация и расселение ссыльных в специальных поселках. Заселение районов округа началось уже в мае 1930 г., но к тому времени условий для нормального проживания создано не было.

В 1931 г. Полномочным представителем ОГПУ по Уралу были предложены планы по созданию спецпоселков. Так, в телеграмме ГЛАВСОЮЗЛЕСПРОМа от 17 августа 1931 г. заместитель председателя ВСНХ СССР по лесной промышленности А. М. Фушман предлагал провести отбор среди спецпереселенцев квалифицированных рабочих (плотников, столяров, печников, стекольщиков и т. д.) для работы на строительстве поселков и объявить «ударный месячник» для срочного окончания строительства, начиная с 20 августа 1931 г. Кроме того, предписывалось, в целях стимулирования скорейшего окончания строительства, выделить фонд и предложить леспрохозам производить премирование лучших работников-спецпереселенцев и административно – технического персонала за добросовестную ударную работу. Все это было направлено на то, чтобы строитель-

ные работы завершились до наступления холодов [9].

При выборе места для обустройства спецпоселений предполагалось, что будут учитываться такие важные факторы, как: близость воды, удобство путей сообщения, возможности подвоза продовольствия и промтоваров и т. п., что прописывалось в большинстве документов, но в действительности поселки строились там, откуда был затруднителен побег. Пункты для постоянного поселения и устройства поселков выбирались и намечались наспех, ориентировочно, без действительного учета сырьевой базы, обеспечивающей работу спецпереселенцев на более длительный срок. В результате под застройку выделялись совершенно непригодные для жизни и труда места и, несмотря на отчаянные усилия спецпереселенцев, «освоение необжитых земель» заходило в полный тупик. В таких спецпоселениях люди вымирали, разбегались или переселялись в другие спецпоселки. Только в Уральской области в 1930 – 1934 гг. прекратили свое существование 60 «бесперспективных» поселков [10, 293].

В целях закрепления спецпереселенцев на местах поселения и создания из них постоянных кадров рабочих, а также стимулирования хозяйственной деятельности было признано необходимым в районах вселения кооперировать спецпереселенцев на следующих основаниях: спецпереселенцы и члены их семей принимаются пассивными членами потребительской кооперации (платят вступительные взносы, пользуются всеми правами членов кооперации, в отношении снабжения), за исключением права участия в выборах и быть избранным [10, 392]. Одновременно предполагалось разрешить привлечение молодежи в аппараты кооперативной сети в качестве: продавцов, счетных и конторских работников, агентов по переброске грузов и по заготовкам, кладовщиков, приемщиков, а из наиболее проверенных, доказавших, что они вполне порвали с

контрреволюционным влиянием на них стариков, можно назначать завглавками [10, 365-371].

Все спецпоселения округа имели определенную специализацию и подразделялись на лесозаготовительные, рыбопромысловые и сельскохозяйственные [11, 39]. К числу таких поселков можно отнести: Горки, Каменный, Кедровый, Черный Мыс, Песчаный, Шуга и др. В 1930 г. в Самаровском районе появилась целая сеть спецпоселений, и такие поселки, как Рыбный, Луговой рассматривались, соответственно, как рыбопромысловый и лесозаготовительный [11, 42].

Для сельскохозяйственной деятельности были определены Березовский, Кондинский, Самаровский и Сургутский районы, где спецпереселенцы были объединены в неуставные сельскохозяйственные артели. В Остяко-Вогульском округе в 1933 г. они охватывали 45 % всего населения, здесь насчитывалось 5292 хо-

зяйства (11400 человек), 4245 из которых были объединены в 49 неуставных артели [6, 194].

Одним из главных направлений использования труда спецпереселенцев были рыбный промысел, лесная промышленность и строительство, где в общей сложности были задействованы 43837 человек. Спецпереселенцы являлись основной производительной силой, благодаря которой в Остяко-Вогульском округе началось развитие сельского хозяйства, лесной и рыбной промышленности, что привело к активному экономическому развитию региона.

Таким образом, причина пристального внимания к спецпереселенцам в 30-е гг. XX в. заключалась в необходимости их эффективного экономического использования и как главного фактора по освоению огромных северных территорий, богатых природными ресурсами.

Литература

1. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» // Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс] <http://base.garant.ru/10200365/#ixzz3fVfHh9L> / (дата обращения 1.07.2015).
2. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930 – е годы / С.А. Красильников. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. – 344 с.
3. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР – М.: ОГИ Мемориал, 2001. – 328 с.
4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. Ноябрь 1920 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) 2000. – 927 с.
5. ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 12а. Д.853. Л. 2–6 // Исторические материалы. [Электронный ресурс] // istmat.info/ (дата обращения: 7.06.2015).
6. Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера 1917–1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада / Л.В. Алексеева. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2003. – 385 с.
7. Мошкин В.В. Ссылка крестьян на Север в 1930–1933 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа) / В.В. Мошкин. – Нижневартовск: НГГУ, 2009. – 189 с.
8. Мазур Л.Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения в 1930 – 1950-е гг. (по материалам Урала и Северного края) // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера и Приуралья. – Сыктывкар, 2004. – С. 36.
9. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 // Исторические материалы. [Электронный ресурс] // istmat.info/ (дата обращения: 12.06.2015).
10. Политбюро и крестьянство. Высылка и спецпоселения 1930–1940 гг. В 2 кн. / Отв. ред. Н. Н. Покровский, В. П. Данилов, С.А. Красильников и др. – М., РОССПЭН. 2005. – 912 с.

11. Славко Т.И. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.) Сб. документов / Под ред. Т.И. Славко. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – 223 с.
12. GARF. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 6. Л. 6. // Исторические материалы. [Электронный ресурс] // istmat.info/ (дата обращения: 12.06.2015).
13. Выступление первого секретаря Уралобкома И. Кабакова с отчетным докладом на Уральской областной конференции ВКП (б) 6 июня 1930 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д 3875. Л. 12. // Исторические материалы. [Электронный ресурс] //istmat.info/ (дата обращения 12.06.2015).

References

1. Zakon RSFSR ot 26 aprelja 1991 g. № 1107-I O reabilitacii repressirovannyh narodov // Sistema GARANT. [Jelektronnyj resurs] <http://base.garant.ru/10200365/#ixzz3fBfHHj9L/> (data obrashhenija: 1.07.2015).
2. Krasil'nikov S.A. Serp i Moloh. Krest'janskaja sсыlka v Zapadnoj Sibiri v 1930-e gody / S.A. Krasil'nikov. – M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2003. – 344 s.
3. Poljan P.M. Ne po svoej vole... Istorija i geografija prinuditel'nyh migracij v SSSR – M.: OGI Memorial, 2001. – 328 s.
4. Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. T.2. Nojabr' 1920- dekabr' 1930 / Pod red. V. Danilova. – M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN) 2000. – 927 s.
5. GARF F. R-5446. Op. 12a. D.853. L. 2–6 // Istoricheskie materialy. [Jelektronnyj resurs] // istmat.info/ (data obrashhenija: 7.06.2015).
6. Alekseeva L.V. Jekonomicheskoe razvitie Ob'-Irtyskogo Severa 1917–1941 gg.: Transformacija hozjajstvennogo uklada / L.V. Alekseeva. – Ekaterinburg: Institut istorii i arheologii URO RAN, 2003. – 385 s.
7. Moshkin V.V. Sсылka krest'jan na Sever v 1930–1933 gg. (na materialah Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga) / V.V. Moshkin. – Nizhnevartovsk: NGGU, 2009. – 189 s.
8. Mazur L.N. Kraj sсыlki: osobennosti formirovanija i razvitija sistemy rasselenija v 1930 – 1950-e gg. (po materialam Urala i Severnogo kraja) // Vklad repressirovannyh v osvoenie Evropejskogo Severa i Priural'ja. – Syktyvkar, 2004. – S. 36.
9. GARF. F. 9479. Op. 1. Д. 6. Л. 5 // Istoricheskie materialy. [Jelektronnyj resurs] // istmat.info/ (data obrashhenija: 12.06.2015).
10. Politbjuro i krest'janstvo. Vсылка i specposelenija 1930–1940 gg. V 2 kn. / Otv. Red. H. N. Pokrovskij, V. P. Danilov, S.A. Krasil'nikov i dr. – M., ROSSPJeN. 2005. – 912 s.
11. Slavko T.I. Raskulachennye specpereselency na Urale (1930–1936 gg.) Sb. dokumentov / Pod red. T.I. Slavko. – Ekaterinburg: UIF «Наука», 1993. – 223 s.
12. GARF. F. 9479. Op. 1. Д. 6. Л. 6. // Istoricheskie materialy. [Jelektronnyj resurs] // istmat.info/ (data obrashhenija: 12.06.2015).
13. Vystuplenie pervogo sekretarja Uralobkoma I. Kabakova s otchetnym докладом na Ural'skoj oblastnoj konferencii VKP (b) 6 ijunja 1930 g. RGASPI. F. 17. Op. 21. D 3875. L. 12. // Istoricheskie materialy. [Jelektronnyj resurs] //istmat.info/ (data obrashhenija 12.06.2015).